

В. Волков

Общественность: забытая практика гражданского общества

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Nikovskaya_Yak.pdf

Перепечатка с сайта Университетской
информационной системы РОССИЯ
<http://uisrussia.msu.ru/is4/main.jsp>

Вадим Волков

Общественность: забытая практика гражданского общества

Несмотря на ряд различий между английской, французской и немецкой идеями гражданского общества, соответствующие понятия - civil society, società civile и bürgerliche Gesellschaft - относятся к единой западной концепции гражданского общества. Основные конститутивные элементы или институты гражданского общества - свободные ассоциации граждан (горожан), экономический рынок и публичная сфера. Но концептуальное единство обеспечивается не столько формальным совпадением структур, сколько тем, что западное гражданское общество сформировалось как общая для многих стран традиция или форма общественной жизни - как историческая конфигурация практик самоуправления, экономического обмена и обмена мнениями (публичных дебатов). Именно на этом общем фоне английская, французская и немецкая политические теории последних двух столетий артикулировали идею гражданского общества ¹. И именно благодаря тому, что новые формы жизни и мышления превратились в устойчивую традицию, о гражданском обществе на Западе постепенно забыли.

Второй жизнью идея гражданского общества, как известно, обязана восточноевропейским и советским "новым левым". Этот забытый термин был превращен в символ оппозиционного политического мышления и действия, в лозунг, который был способен объединить практически любые "антитоталитарные" движения. Западные ученые ответили на это новое явление многочисленными работами на тему гражданского общества, целью которых было, помимо прочего, подвести теоретическую базу под восточноевропейский энтузиазм ². Ирония истории заключалась, однако, в том, что по мере продвижения "антитоталитарных" реформ в странах Восточной Европы и особенно в России разрыв между возрожденной концепцией гражданского общества

и реальностью, которую этот термин призван был представлять, становился все более и более явным. А потому попытки спроецировать концепцию гражданского общества на политическую реальность бывшего советского блока в надежде найти элементы, аналогичные западному "оригиналу", неизбежно приводили к разочарованию³.

В России термин "гражданское общество" как лозунг оппозиции имел заметный, но кратковременный успех. Ранний оптимизм постдиссидентских групп, действовавших во имя "гражданского общества", довольно быстро иссяк. Для теоретического анализа это понятие тоже никогда не подходило вполне, особенно при сравнении с исходной западной моделью. Американские политологи Эндрю Арато и Джин Коэн описали это противоречие, проведя различие между гражданским обществом как социальным движением и социальным институтом. В качестве юридически самостоятельной сферы общественной жизни гражданское общество было создано историческими социальными движениями, но произвести качественный институциональный сдвиг, ведущий к формированию гражданского общества, способно не каждое движение⁴. В России, например, временный успех движения за гражданское общество не привел к его реальному формированию.

Действительно, лозунг возрождения гражданского общества хорошо схватывает некоторые черты трансформации государственного социализма. Но даже содержательное употребление самого термина "гражданское общество" не менее проблематично, чем претворение в жизнь этого лозунга. Дело в том, что это понятие явно не способно соединить нормативные представления об общественной жизни с реальной исторической традицией - а именно их соединение наполняет содержанием западную концепцию. В России "гражданское общество" если и остается чем-то большим, чем лозунгом, то все же чисто нормативным понятием, поскольку невозможно назвать исторические практики, образующие соответствующую традицию. Контекст, в котором понятие гражданского общества обретало бы практический смысл, остается неясным. Из этого должен был бы следовать вывод, что эта практика вообще не имеет отношения к России. Тем не менее цель данного очерка - показать, что ответ на вопрос об уместности концепции гражданского общества во многом зависит от того, как работать с этим понятием. Иными словами, это вопрос не формального приложения концепции, а, скорее, выбора адекватного кросс-культурного перевода - с

языка одной традиции на язык другой. Это побуждает меня выйти за пределы доктринального аппарата, отождествляющего civil society с его прямым переводом как "гражданское общество". Чтобы реконструировать российскую историческую идею и практику, сопоставимую с западной концепцией гражданского общества, я предлагаю включить в рассмотрение почти забытое сегодня понятие "общественность".

Формальный и кросс-культурный перевод понятий

Проясню различие между формальным приложением понятий и их кросс-культурным переводом. При использовании формального способа среди политических институтов различных стран ищут нормативное соответствие и структурно-функциональные аналоги. Кросс-культурный перевод добавляет к этой процедуре элемент интерпретации.

Нормативную основу доктрины гражданского общества составляет идея общественной жизни, независимой от государства и служащей защите индивида. Обществовед, рассматривающий проблему гражданского общества в России, будет ставить вопрос: можно ли отыскать аналогичные условия в этой стране? Исходя же из того, что формальными структурами гражданского общества служат гражданские ассоциации, частные экономические субъекты и независимые органы печати и информации, исследователь станет искать их российские эквиваленты.

Иллюстрацией применения формального метода может служить известная статья американского политолога Фредерика Старра "Советский Союз: гражданское общество", где концепция гражданского общества использована для описания изменений, предшествовавших приходу к власти Михаила Горбачева ⁵. В поисках нормативного соответствия между доктриной гражданского общества и ситуацией в СССР 80-х годов Старр прежде всего отметил урбанизацию, существенно снизившую возможность государственного контроля и надзора за населением. Как пример автор привел успешное уклонение от всеобщей воинской повинности. Применяя формулу "общество против государства", Старр выбрал направление рассуждений, ставшее впоследствии довольно распространенным. Российский (советский) эквивалент гражданского общества он увидел в теневой экономике и неформальных сетях граждан, лежащих за пределами государственного контроля. Одновременно и более подробно эта идея обсуждалась советологом Моше Левином и американским социологом Владимиром Шляпентохом в исследованиях

советского общества ⁶. Такое решение оказалось теоретически вполне удобным, поскольку отвечало нормативным требованиям (независимость и защита от государства) и формально составляло важный структурный эквивалент западной рыночной экономики. Советская неформальная экономика и дружеские связи были независимы от государства, противостояли и незаметно подрывали государственную власть, ставя ей некоторые пределы. "Очевидно различные структуры, - утверждал Старр, - могут выполнять сходные функции" ⁷.

Отождествление специфических функциональных эквивалентов гражданского общества с ним самим вызывает, однако, возражение. Далеко не все находящееся за пределами государства, противостоящее ему и ограничивающее его может быть отнесено к гражданскому обществу. Например, возможность конструктивно влиять на государство у неформальных сетей очень невелика. Финский социолог Ристо Алапуру показал, что неформальные сети распределения товаров и услуг, как и подобные им социальные формы, не способны породить коллективное действие в смысле организованных движений, открыто воздействующих на государственную власть ⁸. Действительно, сложная система негосударственного квазиэкономического обмена, этически варьировавшаяся от дружеской взаимопомощи до взяточничества и коррупции, объединяла советское общество за пределами государства ⁹. Эти отношения сформировали парадоксальную сферу, которая была общей, но частной (скрытой). Поскольку неформальные отношения носили частный и во многих случаях незаконный характер, то есть находились за пределами публичной сферы и законодательных рамок, влияние этой сферы на государство, даже если оно поддерживало систему в целом, могло быть только отрицательным, вести к "приватизации" и эрозии государства. Эта частная сфера не могла продуктивно влиять, определяя или корректируя общие нормы и правила законной экономической деятельности. Не могла она способствовать и укреплению духа общественной солидарности. Неформальная сфера, таким образом, едва ли могла служить укреплению гражданского общества; она, скорее, подрывала саму возможность его развития, заменяя стремление к совместному общественному действию удовлетворением частных потребительских интересов.

Английский антрополог Эрнест Геллнер выдвинул еще одно возражение против отождествления любых форм первичной солидарности с гражданским обществом на основе их функциональной схожести. Он

полагал, что нельзя смешивать с гражданским обществом квазитрадиционные общины и ассоциации, в прошлом успешно остававшиеся закрытыми для вмешательства государства. Они защищали своих членов ценой индивидуальной свободы, которая приносилась в жертву общине. Аналогичным образом советские неформальные сообщества и коллективы, которые хотя и предоставляли своим членам некоторую степень защиты и удовлетворения их потребительских и иных интересов, одновременно создавали плотную систему взаимного контроля и обязательств.

В 1990-х годах идеалистические надежды на возрождение гражданского общества иссякли. Распространение коррупции и клиентелизма в структурах демократической власти и переход "от плана к клану" (выражение американского политолога Дэвида Старка)¹⁰ представляет собой с точки зрения либеральной идеологии реформ наихудший сценарий. А выход на поверхность и криминализация того, что венгерский социолог Элемир Ханкиш назвал "вторым обществом" (неформальной сферы, характеризующейся "нулевой степенью" социальной организации)¹¹, показывает: либо сам разговор о гражданском обществе в российском контексте неуместен, либо эту концепцию следует применять по-иному.

Интерпретативный метод - в отличие от формального - требует поиска соответствия между традициями. А это, в свою очередь, делает необходимым учитывать вопросы языка и традиции словоупотребления. При формальном подходе перевод понятия будет прямым: *civil society* так много раз переводили как "гражданское общество", что оно стало звучать вполне осмысленно. Кросс-культурный же, интерпретирующий перевод должен обнаружить термин, не обязательно полностью подобный западному, но употребляющийся в российской традиции гражданского участия в общественной жизни сходным образом. Дело, таким образом, не в точности лингвистического перевода, а в нахождении родства за пределами политологического языка. В таком случае нет необходимости изобретать перевод, поскольку искомый эквивалент должен быть уже подготовлен самой историей общества. Ведь гражданское общество - это прежде всего живая, а значит, всегда локальная традиция общественной жизни.

Немаловажно, что кроме определенных функций гражданское общество обязательно включает в себя элемент самопонимания - *public spirit*, или дух общественности. Именно этот аспект, будь он вполне учтен

в размышлениях о гражданском обществе в России, не позволил бы советологам отождествлять (пусть косвенно) предпринимателей советской теневой экономики, обманывающих государство, или людей, использующих государственные средства в личных целях, с активными членами гражданского общества.

Таким образом, чтобы адекватно перевести концепцию гражданского общества через границы культуры, следует найти исконное понятие сопоставимой исторической и практической значимости. Это и побуждает меня обратиться к понятию "общественность". Если "гражданское общество" в разные времена представляло собой политическую доктрину, идею или лозунг, то "общественность" гораздо ближе к практике и традиции гражданской жизни. У этого понятия - двухсотлетняя концептуальная история, набор смыслов, заданных повседневным словоупотреблением, и практик, которые наполняли его содержанием, меняя смысл слова, на протяжении истории.

Выбор термина "общественность" вместо "гражданское общество" неизбежно меняет фокус и стиль исследования. Предметом первостепенного интереса становится складывание определенной традиции, анализ которой может помочь осмыслению нынешнего состояния российского общества. Аналогичная интерпретация истоков гражданского общества в Западной Европе была предпринята канадским политическим философом Чарльзом Тэйлором, рассматривавшим западную традицию как историческое сочетание ряда факторов, причем "одни из них представляют собой идеи, а другие - институты, но в основном и то и другое вместе, то есть институты и практики, воплощающие собственную интерпретацию" ¹².

Новое понятие

В русском языке у понятия "общественность" есть два основных значения: первое связано с абстрактным качеством "социальности", или общественной солидарности, а второе - с действующим социальным субъектом, общественно активными группами людей, определенного рода "публикой". Авторство этого термина обычно приписывается Николаю Карамзину; он ввел его в опубликованных в 1791 году "Письмах русского путешественника" ¹³. Известнейший русский историк изобрел этот термин для обозначения особого качества человеческой солидарности - "духа общественности", или "мудрой связи общественности" ¹⁴. Более поздние исследования показали, однако, что впервые это слово использовал

Александр Радищев в тексте 1789 года, имея в виду общественное мнение ¹⁵.

Само понятие относится к так называемой абстрактной лексике. Суффикс -ость придает существительным этой группы обобщающий абстрактный характер, выводимый из конкретного качества, которое выражает соответствующее прилагательное ("общественный" - "общественность"). Подобной абстрактной лексикой, впервые пришедшей в славянские языки через переводы греческих литературных текстов около 863 года нашей эры, обычно пользовались для представления абстрактных идей. Начиная с XVIII века, в связи с развитием науки и литературы такого рода понятиями стали пользоваться особенно часто ¹⁶.

Употребление Карамзиным слова "общественность" в "Письмах русского путешественника" вполне соответствует духу этого произведения, основанного на записках и впечатлениях автора от путешествия в 1789-1791 годах по Германии, Швейцарии, Франции и Англии. Письма не были дневниками в прямом смысле слова, но написаны в форме яркого повествования от первого лица и содержат массу наблюдений повседневной общественной жизни европейских городов, особенно Парижа и Лондона. В карамзинских сюжетах бурная общественная жизнь французской столицы показана с помощью детального описания бульваров, театров, кофейных домов, библиотек и доверительного пересказа салонных разговоров, политических слухов, характеристик знаменитостей. Все это сопровождается разнообразными историями, фрагментами поэзии и другими деталями, носящими отпечаток личного участия. Париж Карамзина - это описание общественной жизни, увиденной глазами частного лица. Он впервые дает российской читающей публике возможность стать свидетелями политической активности гражданского общества. При описании Лондона русский путешественник обращает внимание на британские политические институты. Он становится очевидцем парламентских выборов 1790 года и подробно повествует об этом событии, не оставляя без внимания и многие общественные институты. В целом "Письма" Карамзина могут быть прочитаны как первое литературное описание элементов европейского гражданского общества в период его исторического созревания.

Концептуальная история общественности

Понятия "гражданское общество" и "общественность" были для России XVIII века во многом новыми и непривычными. Формально

понятие гражданского общества впервые определила Екатерина II как союз всех членов общества, соединившихся на основе общих чувств и для взаимной помощи. "Человеколюбие есть основание общества", - утверждала императрица ¹⁷.

Сегодня такое определение кажется малозначимым и упрощенным, но два столетия назад оно вводило в оборот совершенно новую доктрину, которая обосновывала социальную целостность, моральное единство и взаимосвязь людей, живших в ту пору в совершенно различных укладах и едва ли сознававших себя единым обществом. В обществе, писала Екатерина II, "многие семейства, соединившись вместе, живут под одною державою и под одинакими законами совокупно. Таковые союзы или общества называются гражданскими, иначе же называются народами" ¹⁸. Понятно, что слово "народ" используется здесь как эквивалент западноевропейского понятия nation. Кроме того, в тексте понятия "отечество", "общество" и "государство" используются как равнозначные и взаимозаменяемые, что, в общем, соответствует стилю употребления этих понятий в текстах многих политических философов XVII века - в частности, теоретика естественного права Самуэля Пуфендорфа, из почти одноименной работы которого Екатерина II позаимствовала многие положения для своего учебного пособия ¹⁹. Однако попытка ввести понятие гражданского общества "высочайшим повелением" имела весьма ограниченный успех, была чисто теоретической, не подкреплённой соответствующими изменениями в практике повседневной жизни, на фоне которой термин мог бы приобрести устойчивый смысл. Позднее такие изменения пережило иное понятие - "общественность", введённое, как я уже упоминал, "частными" лицами - Карамзиным и Радищевым - для описания конкретного социального опыта.

Но и понятие "общественность", появившись в конце XVIII века, было затем забыто до 40-х годов следующего столетия. Важным исключением стал перевод Иваном Тимковским в 1817 году книги шотландского философа Адама Фергюсона "Опыт истории гражданского общества", где термином "общественность" переводилось понятие public spirit (в карамзинском значении, то есть "дух общественности") ²⁰.

"Общественность" вновь появляется в словаре литературных критиков и публицистов 40-х годов прошлого века. Это понятие встречается в работах Белинского, Герцена, Огарева и других, где отражает идею социальной солидарности, специфического качества,

формирующегося у людей, которые живут в обществе. При этом идеи социальности (общественности) и государственной службы противопоставлялись друг другу.

Тогда же постепенно утвердилось и второе значение понятия - как определенного слоя или группы людей, объединенных общей деятельностью, позицией или мнением. Это объясняется профессионализацией литературно-критической деятельности, формированием институтов общественного мнения и, соответственно, появлением новой публики, стремившейся утвердиться в качестве источника и образца новых ценностей и вкусов, - процессом, который позднее иногда называли появлением разночинской демократической интеллигенции. Новая пишущая и читающая публика часто противопоставляла общественность обществу, желая отделить себя от светского (аристократического) салонного общества. Общественностью называли "прогрессивную" часть общества, состоявшую из людей, ценивших идеи и дела (гражданские поступки), в то время как "обществом" пренебрежительно называли высший свет, ориентированный исключительно на эстетизированное поведение и изысканные манеры ("хорошее" общество) ²¹.

Такое употребление понятия "общественность" сделало его в определенном смысле уникальным. Термин, прежде обозначавший абстрактное качество ("социальность"), теперь стали применять для самоидентификации группы людей, коллективного субъекта или социального агента, причем с явным акцентом на позитивные качества прогрессивности, гражданственности и интеллектуализма. Действительно, едва ли какое другое абстрактное существительное русского языка, кроме, возможно, слова "личность", имеет такую историю перехода от обозначения качества к обозначению субъекта. Если значение слова "общество" менялось от конкретного социального собрания к абстрактному набору правил и институтов, объединявших все население, то смысл термина "общественность" эволюционировал в обратном направлении - от абстрактного качества "социальности" к конкретному воплощению этого качества в определенной группе людей и их способе жизни.

Понятие "общественность" становилось все популярнее в связи с двумя новыми процессами, сопровождавшими александровские реформы 60-х годов. Первый - развитие независимой коммерческой прессы, особенно ежедневных газет с массовым тиражом ²². Распространение

практики их чтения сформировало сферу публичной информации и дискуссии, объединившую образованные слои общества и поддерживавшую принадлежность к некоторому воображаемому сообществу, читающей и дискутирующей публике, "поверх" многочисленных сословных разграничений. "Общественность" стали прочно ассоциировать с общественным мнением, с критически настроенной пишущей и читающей публикой. В свою очередь, сферу общественного мнения воспринимали как самостоятельную силу и часто открыто противопоставляли государственной (официальной) точке зрения. Герценовский "Колокол" постоянно апеллировал к общественному мнению и одновременно воспроизводил его как новый политический институт. Либеральный историк рубежа веков Василий Маклаков озаглавил свои мемуары, описывавшие эту пору, "Власть и общественность на закате старой России". Этим названием он давал представление о двух конкурировавших источниках власти - государственной власти и авторитете гражданского общества. Таким образом, в российском контексте первым реальным элементом гражданского общества стала общественность как сфера открытых публичных дебатов и общественного мнения - в том важном значении, какое придавал термину *Цffentlichkeit* (или *public sphere*) немецкий социальный теоретик Юрген Хабермас ²³. Этот аспект общественности устойчиво развивался в России вплоть до 1917 года.

Второй компонент рассматриваемого нами процесса был связан с практикой местного самоуправления. Земская реформа 1864 года положила начало формированию земств, сфера деятельности которых охватывала вопросы местного хозяйства и финансов, торговлю и промышленность, образование, строительство, судебное производство, поддержание общественного порядка и медицинскую помощь населению. Земцев тоже называли общественностью. Институт, созданный, чтобы сбалансировать последствия крестьянской реформы 1861 года, которая освободила крестьян от крепостной зависимости, а помещиков - от ответственности за их жизнь и благополучие, был в значительной степени независим от центрального правительства и способствовал развитию навыков территориального управления и участия в общественной жизни. К тому же земства были неполитическим институтом; им было запрещено участвовать в государственной политике, хотя именно они вырастили много думских политических деятелей. Благодаря деятельности земств общественность начали ассоциировать с самоуправлением. Земства

накопили опыт независимой организации социальной жизни - второго ключевого элемента и практики гражданского общества. Это движение постоянно развивалось в течение более 30 лет и в 1903-1904 годах выросло в политическую силу, вступившую в борьбу за конституционные реформы.

Итак, к началу XX века "общественность", бывшая для Карамзина лингвистической возможностью помыслить некое качественное состояние социума, получила практическое содержание. Ее стали связывать с носителями критического общественного мнения и группами людей, выполнявших общественные обязанности или работавших на общие интересы (*res publica*, по-русски "дело общественное") за пределами или помимо сферы государственных служебных обязанностей. Так же, как бюрократию можно рассматривать как персонификацию государства, "общественность" воплощала в себе идею общества.

Обратимся теперь к сфере экономического обмена, то есть к рынку, объединяющему владельцев собственности в единое, взаимосвязанное сообщество - до и помимо государства. Это еще один важнейший источник гражданского общества. Возможно ли связать общественность со сферой независимой экономической активности? Что такая сфера существовала в России и развилась к началу XX века, несомненно. Проблематично другое - как она соотносится с идеей и практикой общественности. Как известно, возможности развития капиталистического рынка в России были ограничены рядом причин, рассматривать которые я здесь не могу. Важнее, что складывавшаяся социальная группа экономической буржуазии не связывала себя с общественностью, а, напротив, тяготела к союзам с государственной бюрократией и правыми партиями ²⁴

В рыночной экономике обычно видят исторически раннее, неполитическое основание гражданского общества. Самоуправление и сфера общественного мнения - плод более позднего развития; они находятся как бы на полпути к политической сфере. В странах Западной Европы становление сферы общественного мнения (или публичной сферы) завершило формирование устойчивого гражданского общества, обеспечив его дополнительным средством интеграции и выражения политических интересов. В России же эта сфера оказалась первым и основным фактором формирования гражданского общества. Возможно, что именно такой обратный порядок формирования гражданского общества, а также отсутствие важной связи между гражданской традицией

общественности и сферой экономики могут дать ключ к пониманию слабости и нестабильности российского гражданского общества.

Советская общественность

Как используется слово "общественность" в быденном языке? Оно изначально не относилось к риторике социальных классов или групп, хотя и могло быть к ним привязано ("буржуазная общественность", "заводская общественность"). За понятием, скорее, стояли диффузные (размытые) социальные формы. Довольно затруднительно определить четкие границы общественности и ее конкретную институциональную принадлежность. Семантика общественности указывает на две основные формы: либо как способ обозначения в языке некоторого воображаемого носителя общественного мнения; либо как имя коллективного агента конкретного социального действия или деятельности, причем в том случае, если это действие является добровольным и выходит за пределы прямых профессиональных обязанностей участников.

Соответственно, можно выделить две характеристики, при помощи которых описывается статус общественности. Во-первых, общественность представляет собой воображаемое, но тем не менее вполне реальное по своим эффектам сообщество. Она всегда больше, чем любое конкретное число людей, находящихся в конкретном месте в конкретное время. Во-вторых, общественность не имеет статичных или объективных параметров. Общественность формируется как эффект коммуникации или совместного действия; индивид может считаться частью общественности тогда и до тех пор, пока принимает участие в таком действии. Принадлежность к общественности не формальна, как членство или статистическая характеристика; скорее, это принадлежность через мнение (дискурсивная) или действие (практическая).

Попытка возродить идею и практику общественности, оставшуюся по ту сторону 1917 года, имела место в конце 20-х годов, когда было заявлено о переходе от государства диктатуры пролетариата к так называемой социалистической демократии²⁵. Смысл и содержание понятия при этом, естественно, изменились. Потребность организовать и расширить социальную базу нового политического режима вынудила использовать общественность как средство добиться добровольного участия рядовых граждан в работе местных исполнительных и представительных органов. В то время механизм советской общественности рассматривался как новая форма управления, призванная

постепенно сменить пролетарскую диктатуру (диктатуру класса) ²⁶. Кроме того, мобилизация общественности, утверждала Софья Смидович, необходима для реформирования повседневной жизни и соблюдения норм общественного порядка ²⁷. Таких же взглядов придерживалась Надежда Крупская, высказывавшая радикальную по тем временам мысль: организованная общественность должна постепенно заместить государство ²⁸. Таким образом, в дискурсе 20-х годов общественность ассоциировали преимущественно с двумя функциями - формированием демократической базы местного управления и повседневным надзором, контролем за общественным порядком, средством борьбы с отклоняющимся поведением. К идее общественности возвращались там и тогда, где и когда государственная власть оказывалась малоэффективной.

Вскоре, однако, выяснилось, что государственная пропаганда не контролирует состояния умов. В 1929 году Владимир Кузьмичев опубликовал примечательное исследование о механизмах формирования и изменения общественного мнения - книгу "Организация общественного мнения", основанную на новых для того времени идеях американского социолога Уолтера Липмана ²⁹. Кузьмичев пришел к выводу, что общественное мнение формировалось через свободное хождение разнообразных местных слухов, через споры, предрассудки и не было подвластно государственному контролю. В некотором смысле общественное мнение формировалось независимо, но во многих случаях было политически ориентировано. В какой-то мере оно ограничивало и даже подрывало власть государства, сужая возможности манипуляции и индоктринации. Однако будучи неинституционализированным, не могло положительно влиять на власть.

При жизни Сталина идеи общественности не получили дальнейшего воплощения (единственное, пожалуй, исключение - движение общественниц в 1936-1940 годах) ³⁰. Однако в конце 50-х годов, после начала десталинизации, концепция возродилась, ее стали ассоциировать с переходом от государственного управления к общественному самоуправлению и от государственной охраны общественного порядка к общественной - в стиле, напоминающем дебаты конца 20-х годов (тут нельзя исключить и прямое доктринальное заимствование).

Движение самоорганизации общественности, начавшееся в 1959 году и отличавшееся особой активностью на Урале и в Ленинграде, сочетало в себе ряд моральных и политических установок. С одной

стороны, общественность становилась логической опорой стремления ослабить административный контроль за жизнью общества; в связи с провозглашенной десталинизацией и борьбой с последствиями культа личности это означало и ослабление власти карательных органов. Идея создания системы, при которой само общество, а не государство поддерживало бы порядок и отправляло многие воспитательные, надзорные и судебные функции, отвечала политическим интересам руководящих слоев советской системы. С другой стороны, такая политика предполагала новое понимание общества как автономной моральной силы, способной к самоорганизации и более эффективному социальному контролю.

Специальное постановление от 2 марта 1959 года "Об участии трудящихся в охране общественного порядка" создало юридическое основание разнообразных общественных форм самоорганизации для поддержания общественного порядка. Для этого потребовалось изменить уголовное законодательство, установив более взвешенное соотношение между моральным воздействием общества и карательными мерами со стороны государства ³¹. Одна классификация подразделяла общественность на производственную (постоянно действующие совещания, общества изобретателей и рационализаторов, общественные отделы кадров) и действующую в сфере культуры и повседневной жизни (внештатные органы управления при местных советах, домовые комитеты, добровольные народные дружины и пожарные дружины) ³². Общественность в основном играла роль инстанции самоуправления, а также источника общественного порядка и моральной организации совместной жизни граждан. В докладе XXII съезду КПСС (1961 год) Никита Хрущев говорил о превращении пролетарской демократии во всенародную социалистическую - посредством передачи многих государственных функций общественным организациям ³³. Впоследствии эту идею даже включили в новую программу КПСС.

Можно спорить, насколько феномен общественности 60-х годов соответствовал идеалам гражданского общества. Советская общественность была, мягко говоря, амбивалентной. И все же помимо предписанных ей сверху функций социального контроля, надзора и нормализации повседневной жизни она формировала и какие-то навыки гражданской самоорганизации. Важно, что предметом этих реформ была попытка разграничить функции государства и общества, а также создать общественные организации, которые взяли бы на себя ряд функций,

которые прежде выполняло государство. Реформы основывались на популярной тогда доктрине, в соответствии с которой роль государства по мере приближения советской системы к коммунизму будет уменьшаться, а сфера общественного самоуправления - соответственно расширяться и развиваться.

Движение общественности никогда официально не запрещали, хотя после отставки Хрущева некоторых из наиболее ярких защитников реформ подвергли критике. Значение общественности постепенно падало - скорее, из-за внутренней бюрократизации и утраты независимости от местных комитетов партии. Реальное влияние общественности еще нуждается в анализе. Тем не менее, рассматривая эти явления в сфере идеологии и повседневной жизни, можно реконструировать исторически укорененное понятие и практику, выступающую аналогом западной концепции гражданского общества.

Сфера общественного мнения и публичных дискуссий, возрождавшаяся в 60-е годы, была неполитизированной и ориентированной больше на этику, чем политику, хотя граница между ними условна. Политические дискуссии шли в частной сфере (на кухнях), и потому я их здесь не рассматриваю. В целом общественность 60-х годов сохранила некоторую преемственность по отношению к гражданским традициям прошлого: об этом свидетельствует и отсутствие такого важного компонента, как сфера частного рыночного предпринимательства.

* * *

Традиционное для России отсутствие в структуре общественности аналога буржуазному экономическому человеку может подсказать неверное предположение, будто приватизация и переход к рыночной экономике повлекут за собой усиление гражданского общества. На деле причины слабости российской общественности кроются не просто в неразвитости частного предпринимательства как такового, а в отдельном историческом существовании общественности и рынка. Очевидно, что современное предпринимательство отстоит от общественности еще дальше, чем его советские предшественники из теневой экономики и сетей взаимопомощи.

Гражданское общество - это не набор институтов, находящихся за пределами государства, а форма их связи в единый способ гражданской жизни, и прежде всего связи между общественностью и практиками

хозяйствования. И потому сам по себе переход к рынку возрождения гражданского общества не гарантирует. Развитию гражданской культуры способствует, напротив, развитие республиканской идеологии, то есть духа общественности, способного объединить самоуправление, общественное мнение и частную предпринимательскую деятельность. Противоположность между "буржуа" и "гражданином" в постсоветских условиях настолько очевидна, что развитие у нового класса гражданского сознания кажется несбыточной мечтой. И все же устойчивость гражданскому обществу могут придать только возрождение общественности и ее интеграция с экономическим предпринимательством - на местном уровне и в рамках республиканской доктрины, которую еще предстоит создать.

Примечания

¹ См.: *A. Seligman. The Idea of Civil Society. N. Y., 1992.*

² См.: *J. Keane (Ed.). Civil Society and the State: New European Perspectives. L., 1988; J. Keane. Democracy and Civil Society. L., 1988; C. Kukathas (et al., eds.). The Transition from Socialism: State and Civil Society in the USSR. Melbourne, 1991; A. Arato, J. Cohen. Civil Society and Political Theory. Cambridge (Mass.), 1992.*

³ См., например: *Э. Геллнер. Условия свободы: гражданское общество и его соперники. М., Ad Marginem, 1995.*

⁴ *A. Arato, J. Cohen.*

⁵ *F. Starr. Soviet Union: A Civil Society. "Foreign Policy", 1988, # 70.*

⁶ *M. Lewin. The Gorbachev Phenomenon: A Historical Interpretation. L., 1989; V. Shlapentokh. Public and Private in the Life of the Soviet People: Changing Values in Post-Soviet Russia. Oxford, 1989.*

⁷ *F. Starr. Ibid., p. 36.*

⁸ *R. Alapuro. Civil Society in Russia. In: J. Iivonen (Ed.). The Future of the Nation State in Europe. Aldershot: Edward Elgar, 1993.*

⁹ См.: *А. Леденева. Неформальная сфера и блат: гражданское общество или (пост)советская корпоративность? "Pro et Contra", 1997, т. 2, # 4.*

¹⁰ *D. Stark. Privatization in Hungary: From Plan to Market or from Plan to Clan? "East European Politics and Societies", Fall 1990.*

¹¹ *E. Hankiss. The 'Second Society': Is There an Alternative Social Model Emerging in Contemporary Hungary? "Social Research", 1988, v. 55, # 1-2, p. 37.*

¹² *C. Taylor. Modes of Civil Society. "Public Culture", 1990, v. 3, # 1, p. 101.*

¹³ Подробнее см.: *Я. Грот*. Филологические разыскания. СПб., 1899, сс. 83-84; а также *В. Виноградов*. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. М., 1938, с. 178.

¹⁴ *Н. Карамзин*. Письма русского путешественника. Л., 1987. Письма от 31 июля и 6 августа 1789 года.

¹⁵ Радищев употребляет это слово в повести "Житие Федора Васильевича Ушакова". См.: "Ученые записки Рязанского педагогического института", 1949, # 8, с. 147.

¹⁶ *Н.Шанский*. О происхождении и продуктивности суффикса -ость в русском языке. "Вопросы истории русского языка", М., 1959, сс. 117-118.

¹⁷ О должностях человека и гражданина. СПб., 1783, сс. 73-74.

¹⁸ Там же, сс. 87-88.

¹⁹ *С. Пуфендорф*. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726. Работа Пуфендорфа была переведена по указу Петра I, который рекомендовал ее в качестве учебного пособия. Перевод с латыни был тяжеловесным и плохо приспособленным для целей обучения. Екатерина II сделала собственную творческую адаптацию Пуфендорфа, объединив при этом его идеи со взглядами некоторых других мыслителей. Подготовленная императрицей книга "О должностях человека и гражданина" вышла в свет в 1783 году как основное учебно-воспитательное пособие для всех школ Российской империи; оно выдержало до 1819 года 11 изданий.

²⁰ *А. Фергюсон*. Опыт истории гражданского общества. Пер. И. Тимковского. Т.3, СПб., 1817, с.223. За эту находку я благодарен Олегу Хархордину.

²¹ Об объяснении социогенезиса этого различия в контексте Германии XIX века см.: *N. Elias*. The Civilizing Process. V.1, Oxford, 1978.

²² См.: *L. Mc. Reynolds*. News Under Russia's Old Regime: The Development of a Mass Circulation Press, Princeton, 1991.

²³ *J. Habermas*. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, 1989.

²⁴ См.: *A. Rieber*. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982.

²⁵ Советская демократия. (Под ред. Ю. Стеклова). М., 1929.

²⁶ Там же, сс. 15-19.

²⁷ *С. Смидович*. О культуре и быте. М., 1930, с. 21.

²⁸ *Н. Крупская*. О бытовых вопросах. М., 1930, с. 22.

²⁹ *В. Кузьмичев*. Организация общественного мнения. М., 1929.

³⁰ См.: *M. Buckley*. The Untold Story of Obshchestvennitsa in the 1930s. "Europe-Asia Studies", 1996, # 4, pp. 569-586, а также *В. Волков*. Концепция культурности, 1935-1938: советская цивилизация и повседневность сталинского времени. "Социологический журнал", 1996, # 1-2, сс. 203-206.

³¹ См.: *Общественность в борьбе с правонарушениями*. Иркутск, 1963.

³² *Ю. Волков*. Так рождается коммунистическое самоуправление. М., 1965, сс. 19-20.

³³ См.: XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1962.